

Глобализация как культурная тенденция

В последние полтора-два десятилетия в разнообразных декларациях политиков и публицистов, ученых от политологии, экономики и информатики тема *глобализации* стала одной из наиболее популярных. Не касаясь политической стороны этого вопроса — политики, преследующей собственные и весьма далекие от культуры цели, — попытаемся выяснить, какое воздействие процесс глобализации оказывает на гораздо более значимую и долговременную динамику социокультурной жизни народов.

Прежде всего определимся в том, что такое современная глобализация в *социокультурном аспекте* ее осмысления. Здесь можно выделить, по крайней мере, два фундаментальных процесса, на фоне которых остальное выглядит вторичным. Во-первых, рост экономического потенциала, объемов производства и рынков сбыта транснациональных корпораций, действующих в сферах производства товаров и услуг массового потребления. Неизбежная при этом стандартизация большинства подобных товаров и услуг стимулирует заметную унификацию материальных элементов цивилизации и образов жизни существенной части населения Земли, что в свою очередь ведет к снижению культурного разнообразия человеческих сообществ (по крайней мере, в материально-цивилизационном аспекте этого разнообразия). Во-вторых, формирование общепланетарного информационного пространства, основанного на новейших достижениях средств связи, информатики и вычислительной техники (особенно в связи с массовым использованием космических ретрансляторов информационных потоков и развитием Интернета). Следствием становится жесткая экспансия со стороны производителей информации, грубо вторгающихся в более или менее самодостаточную, а порой и самоизолированную интеллектуальную и гуманитарную культуру народов «незападной» ориентации. Как и в случае с чертами образа жизни, информационная экспансия ведет к унификации картин мира и образов их отражения в культуре, традиционно свойственных таким народам, т. е. опять-таки несет в себе опасность понижения уровня культурного разнообразия на Земле.

Казалось бы, есть все основания считать, что в культурно-цивилизационной сфере наступает такой же кризис, как и в сфере экологии, поскольку очевидно, что уменьшение степени культурного разнообразия ведет к снижению адаптивного потенциала человечества по отношению к неоднородным и часто меняющимся условиям существования. Однако специалисты, наиболее компетентные в данном вопросе — историки, культурологи, антропологи, — сохраняют удивительное спокойствие и, более

того, проявляют откровенный скепсис по поводу манифестаций поборников национальной культурной самобытности. Этот скепсис строится на трезвом понимании того, что беспокойство по поводу губительных последствий описанных процессов глобализации базируется на двух мифологемах, демонстрирующих откровенную ангажированность и необразованность наиболее активных паникеров.

Первая мифологема иногда открыто, а чаще «полунамеком» объявляет описанные процессы культурно-политической экспансией, идущей из одного центра, а именно из Соединенных Штатов Америки. Иными словами, под глобализацией подразумевается прежде всего «американизация» культуры всего остального человечества¹. Безусловно, во многих областях экономики США занимают ведущее место в мире. Но что касается производства товаров и услуг массового потребления, здесь США трудно назвать недостижимым монополистом. Европейское экономическое сообщество, с одной стороны, и страны Азиатско-Тихоокеанского региона — с другой, весьма успешно конкурируют в этой области с Америкой. В этой связи представляется весьма спорным тезис о том, что производимые ими товары и услуги ориентированы в своих культурных формах именно на американские стандарты. США задают стандарты качества жизни и потребления, но сами по себе культурные формы, реализованные в товарах массового потребления (в том числе и во многих товарах собственного американского производства), имеют преимущественно западноевропейское происхождение. Так, общепризнанные мировые центры моды на одежду — Франция, Италия и Великобритания; самые престижные автомобили — немецкие; бытовая электроника — в основном японская и западноевропейская; главные центры молодежного имиджа — Лондон, Амстердам и Гамбург; и т.п.

Другая сторона вопроса: где расположены главные центры интеллектуально-культурного влияния на человечество? И здесь мы сталкиваемся с европейским доминированием. На уровне «высокой культуры» — это прежде всего Франция с ее семиотикой и постмодерном; на уровне массовой культуры — Великобритания, еще в 60-е годы ставшая главным источником новаций в молодежной поп-культуре.

Разумеется, ни в коем случае нельзя исключать из этих процессов и сами США, почти не отстающие от своих конкурентов во всех перечисленных областях. Но нет никаких оснований приписывать именно Америке тотальную культурную экспансию в мире, хотя бы по той причине, что самим США еще очень далеко до того культурного уровня и глубины исторического опыта, который присущ народам большинства

¹ Савицкая Т. Е. Янусов лик глобализации: размышления культуролога // Обсерватория культуры. — 2004. — № 1. С.5 — 13.

европейских стран. А главное, не следует смешивать военно-политическое доминирование США с культурной экспансией и, признавая собственную культурную деградацию, бессмысленно искать ее причины за океаном².

Вторая мифологема декларирует, что глобализация в культурной области — это уникальная новация нашей эпохи. Действительно, в прежние времена таких технических возможностей массового распространения информации и манипуляции сознанием такого количества людей одновременно не было (да и самих людей на планете жило во много раз меньше, чем сейчас). Но что касается тенденций культурной унификации и стандартизации на огромных территориях, заселенных многими десятками народов, процессов нивелирования их культурного разнообразия вплоть до полной ассимиляции в чуждой для них культуре и т.п. — с этими задачами наши далекие предки эффективно справлялись без спутниковой связи и Интернета.

Пожалуй, первым исторически зафиксированным примером такого рода глобализации стали персидские завоевания середины I тыс. до н.э. Характерно, что персы на завоеванных территориях намеренно ликвидировали исторически сложившиеся границы между этносами и создавали новые административные единицы с максимально полиэтническим населением, что, естественно, вело к массовой ассимиляции мелких народностей более крупными.

Еще более откровенной и целенаправленной глобализацией именно в сфере культуры явились походы Александра Македонского и формирование эллинизма как культурной системы, распространившейся от Италии до границ Индии. Синтезация культур полутора сотен народов и племен с греческой, порой доходившая до радикального отказа от автохтонных культурных черт (как это случилось с большинством народностей Передней Азии, фактически «смытых» волной эллинизации), стала одним из наиболее значительных явлений культурной глобализации в истории.

Римские завоевания и формирование «*раха гомана*» несли в себе и элементы глобализации, однако преимущественно в области управления (римское право и по сей день составляет основу политико-правовых систем Европы), а также военного дела и инженерно-строительного искусства. Вторжение в сферу обычаев, нравов, верований и тому подобных проявлений культуры завоеванных народов римлянам, как правило, было не свойственно. Напротив, они постоянно интегрировали в собственную культуру различные чужеземные образцы (особенно в сфере религии).

² Разлогов К.Э. Глобальная массовая культура и культурное разнообразие // Обсерватория культуры. — 2004. — № 1. — С.28 — 31.

Многочисленные волны Великого переселения народов, продолжавшегося с разной интенсивностью на протяжении всего I тыс. н.э., запоздалым финалом которого, видимо, можно считать монгольские завоевания XII-XIV вв., фактически не несли в себе признаков культурной глобализации. Напротив, гунны, тюрки, венгры, монголы, наступавшие с Востока, как и германцы и викинги, двигавшиеся с Севера, в большинстве своем полностью или частично ассимилировались в культуре завоеванных народов и создавали собственные синкретичные этнокультурные образования.

Вместе с тем эпоха Средневековья ознаменовалась тремя, быть может, самыми масштабными акциями культурной глобализации в истории человечества. Речь идет о распространении трех мировых религий — буддизма, христианства и ислама. Экспансия каждой из названных религий в разных случаях имела разные формы, но по степени унификации основных параметров культуры народов, вошедших в зону влияния каждой из этих религий, по уровню нивелирования черт местного этнокультурного своеобразия названные явления, несомненно, превосходят все аналогичные события на протяжении истории.

Разумеется, в каждом конкретном случае все было по-своему. Пожалуй, наиболее тотальным культурным обезличиванием народов стали арабские завоевания VII — VIII веков. В этот период на огромном пространстве от Марокко до северной Индии возобладала фактически однородная культура, различавшаяся лишь региональной типологией хозяйственной деятельности и связанными с ней чертами образа жизни крестьян-земледельцев или скотоводов. В городах даже образ жизни не очень различался. По числу охваченных народов и степени их культурной унификации это была самая грандиозная культурная глобализация в истории.

Конечно, позднее, по мере распада Халифата на самостоятельные государства, многие народы начали постепенно восстанавливать свою этнокультурную специфику. Это были прежде всего народы Индии, Ирана и Средней Азии, африканского Магриба. Другую группу составляют этносы, принявшие ислам уже после распада Халифата: тюркские, северокавказские, центральноафриканские. В этом случае при полном соблюдении исламских религиозных нормативов новообращенные этнические группы смогли в существенной мере сохранить свою этнокультурную индивидуальность. Тенденции этнической локализации еще больше усилились с XV в., когда лидерство в исламском мире перешло от арабов к Османской империи и отчасти среднеазиатским тюркам (Тамерлану и его наследникам). Вместе с тем многие десятки народов ближневосточного региона за последние полторы тысячи лет навсегда исчезли с

этнической карты мира, войдя в состав арабского, иранского, а позднее турецкого суперэтносов.

Культурная экспансия христианства была не менее масштабной, хотя и более длительной. Под культурной экспансией христианства имеется в виду прежде всего экспансия католической церкви, поскольку духовные лидеры восточного христианства, всегда существовавшего под государственным патронажем, стремились пластично вписать его в местные нравы и обычаи, не проявляя особенного рвения к нивелированию этнических черт обращаемых народов.

Но и в католицизме тенденции к тотальной нивелировке культуры всего европейского мира проявились не сразу, а лишь в X в. в связи с созданием Священной римской империи, вступившей в борьбу с папством за преобладание в западнохристианской Европе. Серьезных успехов в стандартизации этнокультурных черт народов Европы ни папству, ни империи добиться не удалось, хотя в период крестовых походов (XII — XIII вв.) элитарная феодально-рыцарская культура большинства европейских стран находилась в процессе активной межэтнической диффузии и синтезации. Разумеется, культура духовного сословия, по крайней мере, до Реформации и образования национальных церквей была космополитичной.

«Звездным часом» католической культурной экспансии стало завоевание Южной и Центральной Америки испанцами и португальцами. Здесь «выкорчевывание» местных индейских культур и насаждение католичества — и как религии, и как обыденной культуры, и как образа жизни — осуществлялось столь жестоко, что привело к физическому уничтожению нескольких десятков индейских народностей и еще большего числа племен. Одновременно в самой Европе свирепствовала инквизиция, которая в своей борьбе с любым инакомыслием фактически (хотя, быть может, и неосознанно) преследовала ту же цель — полную унификацию интеллектуально-образного облика культур европейских народов. Общеввропейская Тридцатилетняя война середины XVII в. раз и навсегда поставила точку на попытках культурной глобализации в Европе на религиозной основе.

Особым своеобразием отличалось распространение буддизма — хронологически первой из мировых религий. Буддизм также имел явные потенции культурной глобализации, но в силу сугубо мирного и добровольного распространения оказал серьезное изменяющее воздействие лишь на культуры народов, находившихся на сравнительно низком уровне социального развития — племена Тибета, кочевников Восточной Азии и еще только формирующиеся народы Индокитая. Что касается культур более развитых народов — самой Индии, Китая, Кореи, Японии, то здесь буддизм

органично «вплелся» в букет разнообразных религиозных учений, уже распространенных в этих странах, не изменив существенно местную этнокультурную специфику.

С началом Нового времени тенденция культурной глобализации вступает в новый — имперский — этап. Аналогично практике Древнего Рима усилия по унификации культуры в многонациональных империях сосредотачиваются преимущественно на институциональных органах управления, образования, военного дела, судопроизводства и т.п. Имеются в виду такие империи, как Российская (позднее СССР, а ныне Российская Федерация), Австрийская (позднее Австро-Венгерская), Османская, империя Наполеона Бонапарта, а отчасти и колониальные Французская и Британская империи. Здесь власти в основном не вмешивались ни в обыденную культуру, ни в религию многочисленных этнических меньшинств или колонизованных народов, но самым категорическим образом навязывали им единый язык официального делопроизводства, армейских команд и административных распоряжений, единую систему государственных законов, суда, образования (разумеется, также на языке господствующего этноса) и пр. Таким образом, представителям иных народов, не знавшим государственного языка и основных норм официальной культуры, проживание в такой империи становилось просто невозможным. Конечно, это культурная глобализация особого рода — внутригосударственная; но суть ее от этого не меняется. Кстати, именно по этому пути пошли и США, формируя единую американскую нацию из полиэтнических потоков эмигрантов.

Наконец, XX век преподнес два рецидива средневекового типа глобализации, апеллирующей к идеологическим основаниям. Имеются в виду идея мировой революции и образование «лагеря мирового социализма», с одной стороны, и европейский фашизм и нацизм, также претендующие на мировое господство не только политическое, но и культурное. Нет нужды напоминать о том, что никакой мирной культурной экспансии ни у одной из сторон не получилось; по сути дела все свелось к вооруженному насилию как последнему аргументу унификации культуры. И лишь в порядке удивительного исключения, советская идеология была воспринята не только руководителями, но и большей частью населения Китая, Северной Кореи и Северного Вьетнама. Впрочем, речь идет о регионе с наиболее прочными коллективистскими традициями.

Разумеется, у Юлия Цезаря не было такой всепланетарной системы связи, как Интернет. Но у него не было и современного оружия. Все это есть ныне у Западной цивилизации и конкретно у США. Ну и что? Следует ли нам ожидать, что все человечество сольется в единый политический организм — некие Всемирные Соединенные Штаты? Даже Ф. Фукуяма, предсказывая полную победу либеральной демократии на всей Земле, отдает себе отчет в том, что конкретные формы, в которых

воплотится эта демократия, будут весьма разниться, отражая национальные культурные особенности разных народов.³

Так можно ли создать единую стандартизированную культуру на всей планете? Учитывают ли паникеры грандиозное социальное расслоение человечества, наличие огромного числа социальных страт, сословий, классов, каст, профессий и т.п., каждая из которых имеет свои собственные уникальные социальные претензии, интересы, запросы и культурные механизмы их удовлетворения? В истории еще не родилось ни одной нации, культура которой была бы абсолютно стандартизирована, а не разбита на десятки этнических и иных субкультур. Как же это можно реализовать в общепланетарном масштабе? С помощью Интернета? Борцы с глобализмом забывают, что человечество, представляя собой единый биологический вид, всегда было разбито на десятки, сотни и тысячи этнических, социальных, религиозных и иного рода локусов. Другой формы существования нам просто не дала природа. Так какая же глобализация с этим справится?

Тот процесс, который сейчас называют «американской (или западной) культурной экспансией на Восток», безусловно, имеет место и является вполне осмысленной культурно-информационной политикой Запада. Впрочем, разве Советский Союз не вел аналогичную идеологическую экспансию по всему миру? И чем все это кончилось? Думаю, что примерно тем же закончится и нынешняя экспансия Запада. Помимо всего прочего следует помнить, что в отличие от Европы и Дальнего Востока с давно сложившимися и укрепившимися национальными государствами, сравнительно толерантными к внешним культурным влияниям, на территории остального мира национальная государственность еще очень юна, а порой и незавершенна в своем формировании. А это делает соответствующие общества вовсе не податливыми внешней культурной экспансии, а, напротив, — особо агрессивными в ее отторжении. Активизация исламского фундаментализма в последние десятилетия — наглядное подтверждение сказанному.

Подводя итог, можно отметить, что как процессы этнокультурной локализации, так и процессы транскультурной глобализации являются естественными и постоянно действующими, взаимодополняющими и сбалансированными тенденциями культурной жизни человечества. Поэтому нет никаких оснований панически относиться к развалу многонациональных государств (т. е. этнокультурной локализации народов), так же, как и к тенденциям глобализации (т. е. культурному сближению, вплоть до слияния). Это вечное соперничество между тенденциями увеличения энтропии (деструктурирующая

³ Фукуяма Ф. Конец истории или последний человек. — М., 2002.

глобализация) и ее понижения (структурирующая локализация), благодаря которым и поддерживаются социально-историческая целостность и культурное разнообразие человечества в их постоянном движении.